

Н. В. ПОНЫРКО

Новые материалы о протопопе Аввакуме

(Два «дела» мезенской воеводской канцелярии
о сыне Аввакума Афанасии)

В ЦГАДА среди бумаг Новгородского приказа хранится доселе никому неизвестное дело 1692 г.,¹ возникшее по извету тюремного целовальника города Мезени на сына протопопа Аввакума Афанасия. Того самого Афанасия, который остался младенцем на Мезени, когда отца его забрали в Москву на соборный суд, о ком Аввакум из Николо-Угрешской темницы перед отправкой в Пустозерск писал в «грамотке» к Настасье Марковне: «Аще жив, мизинцу моему целование, аще же умер — блажен есть».² В 1692 г. Афанасию было 28 лет,³ и 20 сентября того же года он оказался посажен за пьянство в «караульню» Окладниковой слободки г. Мезени.

«И того ж де числа пришел х караульне брат ево, Афонкин, Пронка Аввакумов и говорил ему, Афонке: для чего де ты у меня пицаль унес ис клетки? И он де, Афонка, учал ево, Пронку, бранить. И Пронка де пошел от караульни прочь. И после де того он, Афонка, говорит, что отец де ево, Афонкин, бывшей протопоп Аввакум, научал детей своих, Ивашка да Пронку Аввакумовых, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича. . . гробницу . . . дехтем марать; да есть де письма Окладниковы слоботки у крестьянина у Петрушки Шолоха». Слышавший перебранку тюремный целовальник моментально донес о ней воеводе Мине Петровичу Хомутову, и 21 сентября Афанасия Аввакумова уже допрашивали в мезенской приказной избе. На допросе он убеждал воеводу, что бранился с Прокопием «спьяна» и напраслину на братьев возвел тоже исключительно «пьяным делом». «А слышел де он, Афонка, от пустозерского стрелца от Лодьмы . . . как де он . . . ехал с Москвы и был на Мезени, и сказывал де он, Лодьма, ему . . . что де отец Афонкин Аввакум велел великого государя гробницу дехтем марать, за то де отец ево, Афонкин, и сожжен. А больши де того он, Афонка, про такое дело ни от кого не слышал и не знает».

Со времени издания В. И. Малышевым Объявления Синода от 1724 г. об Аввакуме⁴ нам известно о заочном участии протопопа Аввакума в знаменитых выступлениях московских старообрядцев во время крещенского водосвятия 1681 г., когда они разбрасывали в народ, по словам Объявления, «свитки богохульныя и царскому достоинству безчестныя и . . .

¹ За указание на этот документ, как и на «дело» 1688 г., сердечно благодарю Н. П. Воскобойникову и И. Л. Жучкову.

² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 218.

³ Афанасий родился около 1664 г. См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1 (РИБ. Т. 39). Стб. 40; Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.: Л., 1953. Т. 9. С. 391.

⁴ Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.: Л., 1965. Т. 21. С. 334—345.

в соборная церкви как церковная ризы, так и гробы царские дехтем мариали».⁵ В Объявлении 1724 г. утверждалось, что все это московские бунтари совершили по наущению сидевшего в Пустозерске Аввакума.⁶ Публикуя Объявление, В. И. Малышев задавался вопросом, не это ли выступление старообрядцев послужило причиной казни пустозерских узников.⁷

Располагая новыми материалами, гораздо более ранними, чем Объявление 1724 г., и, что самое главное, исходящими на этот раз не из официальной среды, а, напротив, из самого дома Аввакума, мы уже без всяких сомнений должны ставить казнь Аввакума и его союзников в прямую зависимость от московского бунта 1681 г.

Стрелец Лодьма, как удастся выяснить, это тот самый брат Алексей, в доме которого до «казни» 1670 г. встречались по ночам пустозерские узники. Из еще одного документа Новгородского приказа мы узнаем, что имя пустозерского стрельца Лодьмы было Алексей. Благодаря этому проясняется контекст письма дьякона Федора к семье Аввакума, письма, по которому и известно давно о пустозерце Алексее и его доме. Федор благодарит Марковну за «запасец» («крупки овсяные и яшные»), который она прислала с неким Лодьмой ему и протопопу Аввакуму, и продолжает: «Мы з батюшком ис темницы ношью . . . вышли к брату Алексею в дом и тут побеседовали . . . и запасу мне отец половину отделил — крупы и муки».⁸ Становится ясно, что Лодьма и брат Алексей — одно лицо и что привезенную крупу с мукой делили в его доме. Несколькими строками ниже дьякон просит Марковну «всякую посылку» для них присылать к Лодьме.⁹

В 1678 г., как видно из документов ЦГАДА, стрелецкий десятник Алексей Лодьма по-прежнему жил в Пустозерском остроге, и воевода использовал его для посылок в Новгород и Москву.¹⁰ Из показаний Афанасия ясно, что он оставался в Пустозерске и после 1682 г., года казни Аввакума.

От Лодьмы или кого другого знал Афанасий про гробницу царя Алексея, в любом случае он сослался при допросе на него вполне умно: ничем не обмолвился о близости стрельца к казненным. О причине же казни тот должен был знать неизбежно как пустозерский служивый человек, и такая ссылка никак его не компрометировала.

Афанасию, кажется, поверили в том, что братьев своих он оговорил напрасно; во всяком случае, ясно было, что, сидя в мезенской тюрьме (до 1683 г., как известно),¹¹ мазать дегтем царскую гробницу в Москве они не могли. Протрезвев, Афанасий твердил на допросе в съезжей избе: «А он де, Афонька, и братья ево Ивашко да Пронька . . . в то время были на Мезени, и Ивашко и Пронька сидели в тюрьме. А он де, Афонька, был на свободе, потому что родился на Мезени. А отец де их Аввакум — в Пустозерском остроге, и меж де им в дальнем расстоянии». Но нам сейчас ясно и то, что какой-то действительный факт за пьяными речами Афанасия стоял. Как можно догадаться, раздраженный попреками старшего брата, Афанасий в хмельной ярости грозился выдать участие братьев в организации связи между Аввакумом и Москвой. Очевидно, к событиям 1681 г. Иван с Прокопием были причастны через какую-то переписку, почему и упоминались письма, находившиеся у некоего Петрушки Шолоха. О том, что Иван и Прокопий занимались пересылкой и перепиской — размножением писаний пустозерцев, — известно по письмам протопопа Аввакума и дьякона Федора. Аввакум обращался к старшему сыну: «Грамотки, Иван, бояроне

⁵ Там же. С. 343.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 338.

⁸ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 68.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 3, ед. хр. 909, л. 3, 101.

¹¹ См.: Румянцев В. С. Неизвестные материалы о семье протопопа Аввакума // РЛ. 1970. № 2. С. 156—160.

в столпчик запечатай да пошли». Или: «Посланы грамотки к Москве, и ты их, прочетше, запечатай и сошли».¹² Дьякон Федор просил Ивана о ссылке на Соловки и в Москву «Книги — ответ православных»: «И ты, братец Иван . . . в Соловки пошли и к Москве верным. И тут давай списывать верным человеком, иже довольны будут и иных научити. А списовали бы добрым письмом».¹³ Все эти просьбы относятся ко времени до первой пустозерской казни 1670 г. В 1670 г. пустозерцев засадили в крепкие земляные тюрьмы, откуда уже нельзя было выйти в дом «брата Алексея»; а Ивана с Прокопием посадили в земляную тюрьму на Мезени. И все же, стало быть, сыновья Аввакума до самого его конца продолжали оставаться опорой и помощниками своему отцу.

Новонайденное дело проливает свет и еще на один важный вопрос. По Объявлению 1724 г. взбунтовавшиеся старообрядцы надругались в кремле над гробами (множественное число!) московских царей. Это вызывает определенное недоумение. Дело в том, что хорошо известно почтительное — и принципиально почтительное — отношение старообрядчества к дониконовской истории Русского государства. И в писаниях Аввакума, и в сочинениях других старообрядческих деятелей мы найдем только апологетические высказывания по адресу русских царей дониконовского времени (что про царя Михаила Федоровича, что про царя Ивана Васильевича Грозного).

Из дела Афанасия Аввакумова видно, что протопоп Аввакум имел в виду одного лишь царя Алексея Михайловича. А это как раз очень понятно. Мы знаем, какие счеты были у пустозерских узников с царем Алексеем. Именно на него возложили они, а вслед за ними и вся старообрядческая Россия ответственность за раскол, его называли «рогом антихристовым».¹⁴ В их глазах именно царь Алексей Михайлович был первым неблагочестивым русским царем, что доказывалось, кроме прочего, и образом его кончины, носившей, по их мнению, характер кары господней за расправу над старообрядцами (конкретно, за расправу над Соловецким монастырем).¹⁵

Авторы синодального Объявления, предназначавшегося для публичного чтения в народе, поостереглись, как мне представляется, упоминать в кощунственном контексте имя отца царствующего императора; оттого и возникли в их тексте безличные «гробы царские».

К сожалению, дошедшее до нас следственное дело об Афанасии Аввакумове на приведенных показаниях обрывается. Воевода Хомутов распорядился послать извет вместе с расспросными речами Афанасия в Москву, а самого «Афоньку Аввакумова . . . держать в тюрьме» до получения ответного указа из Москвы. Каков был этот указ, нам неизвестно.

Во всяком случае, для Ивана и Прокопия пьяные речи Афанасия серьезных последствий не возымели. Потому что, как известно, в январе 1693 г. был дан царский указ об освобождении на поруки из мезенской ссылки Ивана и Прокопия (воевода Хомутов получил грамоту об указе 17 января),¹⁶ чего, конечно же, не случилось бы, прими дело Афанасия опасный оборот.

Что было с Афанасием, мы не знаем. Почему он не упоминается в указе об освобождении из ссылки? Потому ли, что как мезенский уроженец он, быть может, не считался ссыльным, или потому, что за него не хотели хло-

¹² Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 914, 915.

¹³ Барсков Я. Л. Памятники. . . С. 68—69.

¹⁴ См. Пятую челобитную Аввакума царю Алексею Михайловичу (Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 757—761) и письмо дьякона Феодора сыну Максиму (Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Н. И. Субботиным. М., 1881. Т. 6. С. 219—220).

¹⁵ Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение ко сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 131—142.

¹⁶ См.: Малышев В. И. Неизвестные и малоизвестные материалы. . . С. 400—402.

потать (известно, что ходатаем за Ивана и Прокопия выступал Василий Васильевич Голицын¹⁷)?

Ссылным он был таким же, как его братья. А вот буйным своим нравом, действительно, был известен на Мезени с давних пор. За четыре года до случая в мезенской караульне Афанасий совершил побег с Мезени; об этом имеется еще одно дело в фонде Приказных дел новой разборки, относящееся к 1688 г. Тогдашний воевода Михаил Воейков сообщал в Москву: «С Мезени ссылкой, бывшего протопопа Аввакума Петрова сына Афонька, бежал безвестно». О беглеце допрашивали старших братьев, с которыми, как написал воевода Воейков, он «жил в одном доме». И Иван с Прокопием показали, что перед побегом «брат их Афонька на кабаке пил и бражничал, и с Мезени бежал безвестно». Куда бежал Афанасий, братья не сказали, утверждая, что про побег они ничего не ведали и «ево, Афоньки, никуда не отпущали». Зная про случай в мезенской караульне, можно понять, что о питии и бражничаньи «на кабаке» сказано не для отвода глаз. Видно, нелады между братьями начались задолго до 1692 г. На допросе 1688 г. Иван и Прокопий сказали, что хоть они и жили с младшим братом в одном доме, но «хлеб . . . ели порознь, потому что де он, Афонка, с ними, Ивашкою да Пронкою, розделился. С Ывашкою розделился в прошлом во 187-м году, а с Пронкою розделился годы с три. И жил собою».

А ведь мы помним Афанасия 9-летним ребенком. Старшие братья вместе с матерью сидели тогда в земляной тюрьме, «повинившись» от страха стрельцкому полуголове Ивану Елагину, прибывшему к ним из Москвы для расправы («неповинившиеся» юродивый Федор и Лука Лаврентьевич были повешены). В письме к своей семье протопоп Аввакум писал в то время: «Спаси бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! — утешил ты меня! Сказывал воевода здешний, похваляя тебя: были де у него вы, и он де спросил тебя: „Как де ты, Афанасий, персты слагаешь?“ И ты де показал ему, воеводе: „Вот де я слагаю!“ А он де тебе молвил: „Уж де, где отец и мати, там же будешь!“ И ты де супротив рек: „Силен де бог, не боюся!“».¹⁸ Малый ребенок, который и лица отцовского не помнил, по-отцовскому складывал пальчики. И отец наказывал младшему сыну: «А девок-те, свет, учи, Марью (дочку Ивана. — Н. П.) да Окулину (сестру. — Н. П.), а сам у братей учися. Не гнушайся их, что оне некогда смалодушничали, на висилицу Христа ради не пошли: уш то моего ради согрешения поупущено . . . Что же делать! И Петр апостол некогда так зделал, слез ради прощен бысть . . . Разговаривай братий: „Не сетуйте де о падении своем выше меры — простит вас. Да и батюшко де по воле божию вас прощает“».¹⁹

Каким образом вернули 24-летнего Афанасия в 1688 г. на Мезень и где он тогда ходил, мы не знаем (на показаниях Ивана и Прокопия и царском повелении «сыскивать» беглеца дело 1688 г. обрывается). В указ 1693 г. об освобождении он не попал. Неужели спился «на кабаке»? Или, может быть, снова бежал, как в 1688 г.? Или наоборот, как иногда бывало с заключенными, не захотел менять привычной ссылки на непривычную свободу — ведь он родился, вырос и всю свою жизнь прожил, можно сказать, в тюрьме.

На эти вопросы нет пока ответа. Но понемногу накапливаются сведения о близких Аввакума. И может быть, нам когда-нибудь удастся более или менее равномерно заполнить фактическим материалом тот пока еще довольно пустой временной промежуток до ноября 1720 г., в конце которого мы благодаря давно найденным документам²⁰ видим щемящую душу фигуру 76-летнего Ивана Аввакумовича, уморенного под стражей в Петропавловской крепости за разделенную через всю жизнь до смерти судьбу своего отца.

¹⁷ Там же. С. 391.

¹⁸ Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 922—923.

¹⁹ Там же. Стб. 923—924.

²⁰ См.: Е с и п о в Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 108—

ДЕЛО О ПОБЕГЕ ИЗ ССЫЛКИ С МЕЗЕНИ СЫНА ПРОТОПОПА
АВВАКУМА АФАНАСИЯ

(л. 3) Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю и Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне, всея великия и малыя и белыя Росии самодержцем, холоп ваш Мишка Воейков челом бьет. В нынешнем, государи, во 196-м году по вашему, великих государей, указу ездил я, холоп ваш, с Мезени в Кевролу для отпуску к Москве вашии великих государей казны, стрелецких и оброчных денег. И февраля в 7 день на Мезени в съезжей избе мне, холопу вашему, извещали словесно мезенцы Денис Язжин, Дмитрий Кыркалов: с Мезени де ссылкой бывшего протопопа Аввакума Петрова сын Афонка бежал безвестно. А жил де он, Афонка, на Мезени в ссылке з братьями своими, с Ивашкою да с Пронкою, в одном доме. И по вашему, великих государей, указу велел я, холоп ваш, на Мезени в съезжей избе их, Ивашку да Пронку Авваку (л. 5) мовых, про побег брата их Афонки спросить.

А в роспросе они, Ивашка да Пронка, сказали: брат де их, Ивашкин да Пронкин, Афонка Аввакумов жил с ними, Ивашкою да Пронкою, в одном доме, а хлеб де ели поровнь, потому что де он, Афонка, с ними, Ивашкою да Пронкою, разделился. С Ивашкою разделился в прошлом во 187-м году, а с Пронкою разделился годы с три. И жил собою. И в нынешнем во 196-м году он, брат их Афонка, на кабаке пил и бражничал, и с Мезени бежал безвестно. А куда он, Афонка, бежал, того де они, Ивашка да Пронка, не ведают (л. 6) А они де, Ивашка да Пронка, ево, Афонки, никуды не отпущали и про побег ево, Афонкин, они, Ивашка да Пронка, не ведали.

И о том ево, Афонкине, побеге что вы, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы, укажете?

(л. 3 об.) 196-го марта в 15 день, государевы грамоты: велеть того Афоньку сыскивать.

(ЦГАДА, ф. 159 (Приказные дела новой разборки),
оп. 3, ед. хр. 3214).

ДЕЛО ПО ИЗВЕТУ ТЮРЕМНОГО ЦЕЛОВАЛЬНИКА Г. МЕЗЕНИ НА СЫНА
ПРОТОПОПА АВВАКУМА АФАНАСИЯ ЗА СЛОВА ОБ ОСКОРБЛЕНИИ
ГРОБНИЦЫ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

(л. 3) 201 (оду) сентября в 20 день бил челом великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцем, а на Мезени в приказной избе столнику и воеводе Мине Петровичю Хомутову извещал словесно тюремной целовальник Афонка Анисимов. А сказал: сего де сентября в 20 день посажен в караулку бывшего протопопа Аввакума сын ево Афонка Аввакумов. И того ж де числа пришел х караулке брат ево, Афонкин, Пронка Аввакумов. И говорил ему, Афонке: для чего де ты у меня пищаль унес ис клетки? И он де, Афонка, учал ево, Пронку, бранить. И Пронка де пошел от караулки прочь. И после де того он, Афонка, говорит, что отец де ево, Афонкин, бывшей протопоп Аввакум, научал детей своих, Ивашка да Пронку Аввакумовых, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца, гробницу ево, великого государя, дехтем марать; да есть де письма Окладниковы слоботки у крестьянина у Петрушки Шолоха. А какие письма, того он, целовальник Афонка, не ведает, а ведает де про те письма он, Афонька Аввакумов. И бил челом великим государем он, целовальник Афонка, чтоб ево словесное челобитье и извет записан жыл.

(л. 3 об) [На обороте столбца:] К сему словесному извету по веленью тюремного целовальника Афонки Анисимова в его место Гришка Дружинин руку прило[жил].

(л. 1) [Начало утрачено из-за обрыва левого верхнего края столбца]. . . царем и великим . . . Алексеевичю Петру . . . всяя великия и малыя и белыя Росии самодержцем холоп ваш Мина Хомутов челом бьет. В нынешнем, государи, в 201-м году сентября в 20 день на Мезени в Окладникове слободки посажен был за пьянство в караулю бывшего протопопа Аввакума сын Афонка. И того же числа бил челом вам, великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всяя великия и малыя и белыя Росии самодержцем, а на Мезени в приказной избе мне, холопу вашему, извещал словесно тюремной целовалник Афонка Анисимов. А сказал: того ж де сентября 20-го числа пришел к караулю брат иво, Афонкин, Пронка Аввакумов и говорил ему, Афонке: для чего де ты у меня пищаль унес ис клетки. И он де, Афонка, учал ево, Пронку, бранить. И Пронка де от караули пошел прочь. И после того он, Афонка, на братьей своих, на Ивашка и на него, Проньку, говорил ваше государственное дело.

И я, холоп ваш, ево, Афонку, в приказной избе перед собою велел распросить. А в роспросе, что он Афонка сказал, и те роспросные речи за ево, Афонкиною, (л. 2) рукою и целовалника Афонки Анисимова словесное челобитье и извет, запечатав в лист, послать к вам, великим государем, к Москве в нынешнем в 201-м году, ноября в 1 день кеврольские и мезенские приказные избы с подьячим с Михайлом Поповым. А отписку и роспросные речи и извет велеть подать и ему, подьячему, явитца в Новгородском приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову с товарищы. А Афонку Аввакумова до вашего, великих государей, указу велеть держать в тюрьме. И о том, что вы, великие государи цари и великие князи Иоани Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы, мне, холопу своему, укажете.

(л. 4) И сентября в 21 день на Мезени в приказной избе перед столником и воеводою, перед Минею Петровичем Хомутовым, против словесного извету тюремного целовалника Афонки Анисимова Афонка Аввакумов роспрашиван.

А в роспросе он, Афонка, сказал: в нынешнем де в 201-м году сентября в 20 день посажен он, Афонка, по приказу столника и воеводы Мины Петровича Хомутова в караулю за пьянство. И в то же время пришел к караулю брат ево, Афонкин, Пронка Аввакумов и говорил ему, Афонке, он, Пронка: для чего де ты у меня пищаль взял. И он де, Афонка, с пьяна учал ево, Пронку, бранить. И он де, Пронка, от караули пошел прочь. И он де, Афонка, говорил, что отец де ево, Афонкин, бывшей протопоп Аввакум, велел блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца гробницу ево, великого государя, детям своим, а ево, Афонкиным, братьям, Ивашке да Пронке Аввакумовым, дехтем марать. И то де он, Афонка, на братьей своих, на Ивашка да на Пронку, затеял напрасно, великим делом. А он де, Афонка, и братья ево, Ивашко да Пронька, по указу великих (л. 5) государей в то время были на Мезене, и Ивашко и Пронька сидели в тюрьме. А он де, Афонка, был на свободе, потому что родился на Мезене. А отец де их Аввакум в Пустозерском остроге, и меж де им в дальнем расстоянии. И в той де ево, Афонкине, вине волны великие государи.

А слышел де он, Афонка, от пустозерского стрелца от Лодьмы, а как ево зовут, того сказать не упомнит, как де он, Лодьма, ехал с Москвы и был на Мезени, и сказывал де он, Лодьма, ему Афонке, что де отец Афонкин Аввакум велел великого государя гробницу дехтем марать, за то де отец ево, Афонкин, и сожжен. А болши де того он, Афонка, про такое дело ни от кого не слышал и не знает. А что де он, Афонка, говорил про писма Окладниковы слободки у Петрушки Шолоха, и то де он сказывал, что была у него, Петрушки, книга Библия в закладе брата ево, Афонкина, Ивашка в семи рублех. А иных де писем он, Афонка, никаких не знает жил (так!).